

А. А. Королева

Век протестной культуры: Россия и Испания

Королева Алина Алексеевна, канд. культурологии,
преподаватель Кафедры рекламы и связей с общественностью
МГИМО МИД России. alkoroleva@gmail.com

Аннотация: В XX в. успех протестной идеологии обеспечивали простые, понятные и зажигательные фразы-образы. Но в XXI в. над словом доминируют имиджи – яркие визуальные и музыкальные образы, символы, а также выстроенные вокруг них медийные истории. Именно они формируют отношение к реальности и стимулируют определенные действия. Это связано с технологическими и социальными трансформациями, которые на протяжении XX и XXI вв. делали процесс коммуникации доступнее и быстрее.

Ключевые слова: протестная культура, идеология, миф, имидж, текст, медиа.

Alina Koroleva

Century of the protest culture: Russia and Spain

Abstract: In the 20th century the success of a protest ideology was ensured by simple, conceivable and inspiring phrases-images. But in the 21st century the images such as bright visual and musical conceptions, symbols and media stories created around them look over the word power. It is the images that form our attitude towards the reality and provoke certain actions. That is connected with social and technological transformations, which during the 20th and 21st centuries were making the process of communication more accessible and faster.

Keywords: protest culture, ideology, myth, image, text, media.

Одним из основных видов деятельности в сфере культуры является сохранение и репрезентация культурно-исторического наследия. Данная категория включает празднование памятных и знаменательных дат. Для России ключевое событие 2017 г. – 100-летие Февральской и Октябрьской революций, а для российско-испанских отношений выпадают сразу три значимых даты: 40 лет восстановления дипломатических отношений; 350 лет первому русскому посольству в Испанию во главе со стольником П. И. Потемкиным и 500 лет первым официальным письменным контактам (письмо короля Испании Карла I Габсбурга московскому государю Василию III). Юбилейные даты вызывают лавинообразный рост обращения к данным сюжетам как объекту исследований в области гуманитарных наук и делают их трендами. Статья подготовлена в рамках гранта МГИМО МИД России на выполнение НИР научными группами под руководством молодых ученых «Революции 1917 года в России – 100 лет».

Политической доминантой XX столетия было противостояние идеологий. Катаклизмы политического и социального развития и перманентный мировоззренческий кризис не только масс, но и элит обусловили актуальность обращения к феномену «протестная культура» – комплексу социокультурных установок, противостоящих фундаментальным принципам, доминирующим в актуальной политической культуре. В протестной культуре заложен глобальный

механизм обновления, который может выражаться в различных формах: общественных реформаторских движениях, государственных переворотах, гражданских войнах и революциях.

Великая французская революция и последовавшие за ней европейские конфликты конца XVIII — начала XIX вв. развивались по следующему сценарию: «В воинствующей манере революционеры отвергли фундаментальные основания старого мира, провозглашая окончательный и бесповоротный разрыв с ним, и заявили о радикально новом этапе человеческой истории» [6, с. 20–21]. Этот опыт наглядно продемонстрировал, что агрессия народных масс мотивирована скорее поведенческими стереотипами и политическими мифами, чем представлениями о рациональном поведении в духе просветительской философии. Социальные катаклизмы XX в. подтвердили данную гипотезу. Опыт России и Испании показателен в этом плане, поскольку «Россия и Испания — это своеобразные границы Европы. Русская и испанская цивилизации относятся к пограничным, и их культурно-исторический опыт является неотъемлемой частью общей европейской культуры» [4, с. 248].

Период от Февральской до Октябрьской революции 1917 г. занимает особое место в общественной жизни России. Революционный подъем разделил население на два противоборствующих лагеря, а историю страны на «до» и «после». Период Второй республики в Испании (1931–1936 гг.), закончившийся фашистским путчем, и последовавшая за ним гражданская война были временем острой идеологической борьбы в Испании.

Особенности современной протестной политической культуры рассматриваются на примерах «цветных революций» на постсоветском пространстве и «белоленточного» движения или несостоявшейся «Болотной революции» в России 2011–2013 гг., а также на опыте трансформации партийно-политической системы Испании и ситуации вокруг референдума в Каталонии. Современные «демократизирующие» или «цветные» революции происходят в разных частях мира, в том числе и на постсоветском пространстве. Они сопровождаются острыми политическими переменами, но качественно разными, в зависимости от того побеждают революционеры или нет. Протестная культура в современной Испании находит отражение в подъеме радикальных сил в политическом спектре Испании, что стало одним из последствий глобального финансово-экономического кризиса.

Рациональное и мифологическое в протестной идеологии

Протестная политическая культура XX в. основывалась на идеологиях, способствующих мобилизации восставших. Но в современную цифровую эпоху место идеологий заняли имиджи — «яркие визуальные и музыкальные образы, символы и выстроенные вокруг них медийные истории, формирующие отношение к реальности и стимулирующие определенные действия» [6, с. 85–86].

Эмоциональный выбор, основанный на предубеждениях, далеких от рациональных аргументов, всегда был первичен. Управлять массовым сознанием, апеллируя к эмоциям проще и эффективнее, чем просвещать его.

Кризисный характер общественного развития прошедшего века обуславливает актуальность обращения к упрощающим социальную реальность идеологиям и политическим мифам. Но если традиционные идеологии рациональны и представляют собой иерархические системы ценностей и идей, то политические мифы лежат в области иррационального, а не логического мышления.

С точки зрения Дж. Шварцмантеля, политическая идеология — «это совокупность нормативных идей, которые формируют идеал и призваны обеспечить массовую поддержку этих идей через агитацию в их пользу» [8, с. 49]. Эти идеи критически ориентированы к любому существующему порядку, ведь реальность не может сравниться с идеалом. Ценности протестной культуры выражены в идеологиях, включающих в себя практические проекты политических стратегий и тактик, предназначенных трансформировать реальность. Фундамент идеологий заложен в социальной реальности, но они ориентированы на будущее.

В политических мифах заложены представления о политических событиях, явлениях и процессах. Но это устойчивые, некритические эмоционально окрашенные образы, часто используемые для манипулирования сознанием. В периоды политических кризисов политическое мифотворчество усиливается, так как мифы дают возможность объяснить новые и непонятные массовому сознанию явления и процессы. Миф как феномен политико-идеологической практики представляет собой вкрапление мифа в немифологическую по своей природе культурную традицию.

В первой половине XX в. миф был предметом исследования преимущественно антропологов, историков, социологов и культурологов. В частности, Дж. Кэмпбелл, специализирующийся на сравнительной мифологии, вывел сходства героических мифов разных времен и мест пространства. «Они структурированы на основе героев и злодеев, вступающих в смертельные битвы, поддерживаемых помощниками и получающих магические подарки» [2, с. 45]. Его теория была основана на понятии «архетип» К. Юнга. Для обозначения универсальных мифологических сюжетов, имеющих широкое распространение в различных национальных культурах, также используются термины мифологема и мифологический архетип.

«Справедливость» – ключевая мифологема протестной культуры

Идея справедливости составляет мифологическое и моральное ядро идеологии. Понимание справедливости контекстуально и варьируется в зависимости от эпохи, страны и социальной группы. Стремление к справедливости способно мобилизовать людей с целью изменения статуса-кво. Исторический опыт демонстрирует, что достижение справедливости – утопия. Постреволюционный порядок чаще всего не становится справедливее дореволюционного. Только человек не в состоянии представить себе последствия революции в силу того, что находится под влиянием «когнитивных искажений» – систематических ошибок в человеческом мышлении. В данном случае будущее не может восприниматься качественно иным в сравнении с настоящим.

Массовое требование справедливости тесно связано с ключевым элементом любой идеологии – утопией идеального строя, а также наличием общего врага. Общим врагом для революционеров в большинстве случаев становится правящий режим. К нему общество предъявляет два требования: справедливость и эффективность. Причем соблюдение в глазах общества только одного из требований вполне достаточно для стабильности. Чем более несправедливой и одновременно неэффективной выглядит власть, тем большей объединяющей и мобилизующей способностью обладает революционная идеология.

Баланс между эффективностью и справедливостью власти был нарушен в России в 1917 г. Серьезные военные неудачи и тяжелое экономическое положение России предшествовали Февральской революции, а освобождение народа от гнета старого режима провозглашала уже Великая октябрьская революция.

Период Второй республики в Испании сопровождался острой идеологической борьбой, поляризацией общественно-политических сил и социально-экономической нестабильностью. В 1936 г. в условиях внутреннего политического кризиса и общеевропейской угрозы фашизма лидеры социалистов, коммунистов, республиканцев и националистических партий создали Народный фронт, противостоящий консервативно-монархическим и фашистским группировкам. На парламентских выборах Народный фронт одержал победу. Курс на радикальные социально-экономические реформы, отражающие существующий дисбаланс между справедливостью и эффективностью государственного строя, вызвал недовольство военных.

Импульс цветным революциям на постсоветском пространстве чаще всего давали обвинения в фальсификации на выборах. Так началась «революция роз» в Грузии в 2003 г., «оранжевая» революция на Украине в 2004 г., «тюльпановая революция» в Киргизии в 2005 г., «сиреневая революция» в Молдавии в 2009 г. Митинги «белоленточного» движения в России начались в декабре 2011 г. после обвинения в фальсификации выборов в Государственную думу.

Требование справедливости на фоне экономической нестабильности выражалось и в форме массовых митингов оппозиции. Формальным поводом для акций протеста в ходе «Дынной революции» в Киргизии в 2010 г. послужил резкий рост тарифов на электричество и отопление, но очень быстро протестующие перешли от митингов к захвату административных зданий, и в итоге произошла смена власти. Причиной протестов в ходе Евромайдана на Украине в 2013–2014 гг. послужила отмена соглашения об ассоциации с Евросоюзом. В ходе митингов во время «Хризантемовой революции» в Молдавии 2015–2016 гг. звучали обвинения в коррупции и в том, что олигархи обирают страну, прикрываясь евроинтеграцией.

Последствия мирового финансово-экономического катаклизма и существовавшая до 2015 г. в международном медиа пространстве прямая ассоциация Испании с кризисом создали запрос на справедливость в испанском обществе. Одним из результатов протестной мобилизации стало появление в политической системе Испании новых акторов. Одним из них стала партия «Подemos». Успехи партии на выборах отразили недовольство существую-

щей политической системой. Они выразили «протест против политики жесткой экономии и недостатков политической системы, массовый запрос на социальную справедливость» [7, с. 16].

Мифологема «геополитический заговор»

История свидетельствует, что иностранное участие в революциях, как со стороны оппозиции, так и действующей власти, является нормой, а не исключением. Парадокс массового сознания заключается в том, что современный человек, будучи воспитанным в рациональной парадигме, не может поверить, что многие вещи просто случаются и за ними нет потаенного смысла.

Русская революция 1917 г. в конспирологической перспективе представляется как «фантастический заговор немецких спецслужб, американских финансистов-евреев и английской аристократии против консервативной Российской монархии» [6, с. 32].

В гражданскую войну в Испании также были вовлечены другие страны. Уже в первые дни войны глава республиканского правительства обратился с просьбой о содействии к правительству Франции, а в сентябре 1936 г. со стороны СССР было принято решение об оказании помощи. Поддержку Франко оказывали фашистские режимы Германии и Италии. 9 сентября 1936 г. в Лондоне был создан «Комитет по невмешательству», который должен был не допустить перерастание конфликта в европейскую войну. Комитет препятствовал поставкам оружия и боеприпасов республиканцам, чем фактически способствовал франкистам. В октябре 1936 г. Коминтерн создал Интернациональные бригады, выступающие на стороне антифашистов.

Традиционные для XX в. формы иностранного участия сводились к финансированию, поставкам оружия и боеприпасов, военного контингента. На современном этапе к ним добавились новые формы, в частности «мягкая сила», иностранное влияние через культуру, ценности, образ жизни.

С официальной российской точки зрения цветные революции выглядят примерно одинаково: «В стране имярек дела обстояли, быть может, не благостно, но стабильно. Однако коварные внешние силы «разогрели» общество и оснастили (интеллектуально, технологически, финансово, а иногда и оружием) внутренние подрывные элементы. Для чего? Чтобы свергнуть законное правительство и ввергнуть страну в хаос. С какой целью? Чтобы поставить под свой контроль ресурсы охваченной революцией страны» [6, с. 31]. С точки зрения Кремля НКО, финансируемые из заграницы, играют главную роль в организации цветных революций. Уже летом 2012 г. законодательно ввели понятие НКО — иностранный агент. Статус иностранного агента получают НКО, занимающиеся политической деятельностью, но уставная деятельность большинства НКО в реестре связана с формированием гражданского общества, а не политикой.

Восприятие Запада как утопии составляет важную часть мифа «геополитический заговор» на постсоветском пространстве. Рациональное звено в восприятии этого мифа заключается в том, что Запад является привлекательной политической и социально-экономической моделью и активно и достаточно успешно продвигает свои территориальные бренды.

В социологическом опросе «имидж Испании» Королевского института Элькано, проведенном за рубежом в феврале — марте 2017 г., в вопросе об основных угрозах были предложены следующие варианты ответа: проблема мигрантов, внешняя политика Дональда Трампа, превращение Китая в супердержаву и внешняя политика России. Предложенные формулировки ответов соответствуют мифу «геополитический заговор» [1].

Тема международных отношений и места Испании в мире не является сейчас ключевой для испанского общества. «Характерно, что тема внешней политики Испании и в целом анализ современных международных отношений «блестяще» отсутствовали в ходе последней предвыборной кампании в Кортесы. Раньше такого пренебрежения к мировой политике никогда не замечалось. Это особенно странно и необычно для традиционно небезразличной Испании, тем более на фоне тех сложных и противоречивых процессов, которые сегодня переживает не только Европа, но, по сути, весь мир» [5, с. 13]. В этой неестественной отстраненности потенциально закладываются основания для актуализации протестной культуры, но скорее в основе оказывается мифологема «справедливость», так как невыразительная роль, которую играет Испания в Евросоюзе может восприниматься как унижение.

Вербальное и визуальное в протестной агитации

В XX в. успех протестной идеологии обеспечивали простые, понятные и зажигательные образы и слоганы. Большевистские лозунги «Вся власть советам!», «Землю — крестьянам!», «Заводы и фабрики — рабочим!», «Домохозяйки — на производство!», антифашистский лозунг времен гражданской войны в Испании ¡No pasarán! и франкистский лозунг ¡Arrriba España! обеспечивали успех мобилизации, хотя и содержали в себе утопические обещания.

Но в XXI в. над словом доминируют имиджи — яркие визуальные и музыкальные образы, символы, а также выстроенные вокруг них медийные истории. Именно они формируют отношение к реальности и стимулируют определенные действия. Это связано с технологическими и социальными трансформациями, которые на протяжении XX и XXI вв. делали процесс коммуникации доступнее и быстрее.

Революционеры первой половины XX в. были ограничены в технологических возможностях создания и распространения агитационных материалов, что требовало значительных финансовых затрат. Широкую популярность получили такие виды агитационных материалов, полные ярких и запоминающихся образов и лозунгов, как плакаты и листовки. Агитплакаты — достаточно специфическое городское явление. В эпоху индустриализации население преимущественно было городское, так что пространством для агитации, как и для действия революционных процессов, закономерно становились города. Агитационные печатные материалы, как и другие виды пропаганды, относятся к средствам психологической войны. В них заложен сильный эмоциональный заряд за счет использования изобразительных средств. Успех воздействия основывался на эффекте многократных контактов с агитационными плакатами и на том, что визуальные образы оказывают влияние также на подсознание, вызывая определённые, надолго запоминающиеся ассоциации. Кроме того, советские плакаты, как и плакаты времен гражданской войны в Испании, с течением времени приобрели статус произведений искусства и стали объектом коллекционирования.

В современную цифровую эпоху технологические возможности определили новую природу протестной агитации, в которой преобладают горизонтальные, сетевые коммуникации. Сегодня вместо хорошо подготовленной кампании можно вбросить идею, которая проходит через процесс нелинейного развития и краудсорсинга имиджей и идей. В Web 2.0 пользователи сами вовлекаются в производство и распространение контента.

Дихотомия «свой — чужой»

Если XX в. был временем идеологий, то XXI в. — время идентичностей. «Сам термин “идентичность” появился только в XX в., но становление этого понятия и его компонентов в истории культуры началось гораздо раньше. Одним из факторов исторического становления понятия “идентичность” было влияние восприятия образа другого на самоопределение в рамках дихотомии “свой — другой”» [3, с.14].

Клиповое мышление молодых поколений — это восприятие имиджей, а не текстов. Современный тип сознания осмысляет и осваивает мир через впечатления, визуальные и музыкальные образы и символы, а не логику и нарратив. Растолковать, кто свой, а кто чужой, к чему стремиться и как добиться поставленных целей, через образы лучше, быстрее и проще, чем через слова. Общие эмоции недолговечны, но объединяют быстро и эффективно. Оперирование образами уменьшает потенциальный риск взаимонепонимания и конфликта при использовании слов и понятий.

Для разделения на своих и чужих нужны маркеры. Визуальным маркером может быть цвет или символ. Причем выбор маркера может быть как идеологически или историко-культурно мотивирован, так и выбран случайно. Так, оранжевый цвет послужил маркером революции 2004 г. на Украине. О мирном характере некоторых революций на постсоветском пространстве говорил выбор цветка в роли символа: красная гвоздика — в Грузии в ноябре 2003 г., тюльпан — в Киргизии 2005 г., хризантема — в Молдавии 2015–2016 гг. Маркером «белоленточного» движения стал белый цвет. Выбор был связан со временем года — зимой. Во всех случаях цвет проводил границу между своими и чужими и маркировал оппозиционную идентичность.

В 2017 г. была разработана кампания в поддержку референдума о независимости Каталонии «Love demoscasu», призванная найти международную поддержку проведения референдума. Красная избирательная урна и слоган на английском языке — символы демократии, вокруг которых выстроилась медийная история. Этот имидж очень быстро был подхвачен и распростра-

нен как в социальных сетях, так и на улицах городов.

Акцент на визуальном является одной из отличительных особенностей современного мира. Причем характерной чертой визуальной культуры является усиливающаяся тенденция к визуализации тех вещей, которые не являются визуальными по своей природе. Визуальные объекты играют важную роль в социальной коммуникации, нередко обеспечивая переносное значение изображаемого и выполняя разнообразные метафорические функции. Визуальные образы не всегда говорят сами за себя. Чаще всего визуальное обеспечивает доступ к некоторым потенциальным значениям, облегчающим хотя бы частично возможные смысловые интерпретации.

Литература / References

1. 7ª Oleada Barómetro Imagen de España, febrero-marzo 2017 [Electronic resource]. — URL: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano_es/encuesta?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/observatoriomarcaspana/estudios/resultados/barometro-imagen-espana-7
2. Кафтанджиев Х. Мифологические архетипы в коммуникации. — Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2016. — 268 с.
3. Королева А. А. Трансформация социокультурной идентичности в условиях перехода к сетевому обществу (сравнительный анализ опыта России и Испании): дисс. ... канд. культурологии. — М., 2015. 177 с.
4. Ларионова М. В. Россия и Испания в зеркале газетно-публицистического дискурса: метафоры и стереотипы // Вестник МГИМО-Университета. — 2010. — № 2. — С. 247–254.
5. Орлов А. А. Ключевые проблемы современной Испании // Ибероамериканские тетради. — 2016. — № 1. — С. 9 — 14.
6. Соловей В. Д. Революция! Основы революционной борьбы в современную эпоху. — М.: Эксмо, 2016. — 320 с.
7. Хенкин С. М. Феномен Подемос // Ибероамериканские тетради. — 2016. — № 1. — С. 15–20.
8. Шварцмантель Д. Идеология и политика. — Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2009. — 312 с.